

Список литературы

1. Агафонов Н. В. Преодоление земного притяжения (сборник рассказов) / Н. В. Агафонов. – Самара, 2004. – 131 с.
2. Библия (Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета). – Чикаго, 1990. – 1223 с.
3. Малкова Т. Ю. Милосердие и справедливость в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Т. Ю. Малкова // Филология и лингвистика в современном обществе : мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 27–30.
4. Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и проблемы происхождения архетипических сюжетов / Е. М. Мелетинский // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 41–47.
5. Ничипоров Б. В. Введение в христианскую психологию / Б. В. Ничипоров. – М., 1994. – 187 с.
6. Чернец Л. В. Введение в литературоведение : учеб. пос. / Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2004. – 680 с.

References

1. Agafonov N. V. Preodolenie zemnogo pritjazhenija (sbornik rasskazov). Samara, 2004. 131 p.
2. Biblija (Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta). Chikago, 1990. 1223 p.
3. Malkova T. Ju. Miloserdie i spravedlivost' v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve (Moscow, November 2014). M., Buki-Vedi, 2014, pp. 27–30.
4. Meletinskij E. M. Analiticheskaja psihologija i problemy proishozhdenija arhetipicheskikh sjuzhetov // Voprosy filosofii, 1991, № 10, pp. 41–47.
5. Nichiporov B. V. Vvedenie v hristianskuju psihologiju. M., 1994. 187 p.
6. Chernec L. V. Vvedenie v literaturovedenie. M., Vysshaya shkola, 2004. 680 p.

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ
ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АВТОРОВ)**

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северокавказского научно-исследовательского института филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357432, Россия, Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Калабергенова Айнара Кадрбаевна, Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга имени Ш. Есенова, 130003, Республика Казахстан, г. Актау, 32 микрорайон.

В статье исследуется проблема этнонациональной ментальности на примере северокавказской поэзии. Стремление воспроизвести эволюцию национального характера было неотъемлемо и от корректировки системы изобразительных средств. В горских литературах сложилась традиция «воспевания» своего народа. Проблема этнонациональной ментальности в контексте культурных традиций в её ценностно-когнитивном аспекте показана на примере поэтических произведений о женщине Северного Кавказа.

Ключевые слова: ментальность, поэзия, Северный Кавказ, национальный характер, образ женщины, традиция

ETHNONATIONAL MENTALITY IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRADITIONS (ON THE EXAMPLE OF THE NORTH CAUCASIAN AUTHORS)

Kaziyeva Almira M., Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of North Caucasian Research Institute of Philology, Pyatigorsk State Linguistic University, 357432, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave.

Kalabergenova Ainara K., Caspian State University of Technology and Engineering of Sh. Esenov, 130003, Republic of Kazakhstan, Aktau, 32 residential district.

In the article the problem of ethnonational mentality on the example of the North Caucasian poetry. The desire to reproduce the evolution of the national character was inherently and by adjusting Fine funds system. In the literature of the mountain there was a tradition "chanting" his people. The problem of ethnonational mentality in the context of cultural traditions in its value-cognitive aspect is shown by the example of the poetic works of the woman of the North Caucasus.

Keywords: mentality, poetry, the Northern Caucasus, the national character, the image of women, tradition

Художественное мышление любого народа складывается, как известно, на основе общественного и личного опыта национальной жизни. Однако советская официальная эстетическая система пренебрегала этим фактором, требуя соответствия выработанным ею установкам, уродовавшим национальное естество, тормозившим развитие художественной мысли и художественного сознания. Это не могло продолжаться бесконечно. Живые ростки национальной жизни пробивались сквозь бетонные наслоения, вызывая интерес литературоведов к явлениям, понятиям, категориям этнонационального и ментального. Стремление воспроизвести эволюцию национального характера было неотъемлемо и от корректировки системы изобразительных средств. В горских литературах сложилась традиция «воспевания» своего народа. Проблема этнонациональной ментальности в контексте культурных традиций в её ценностно-когнитивном аспекте хорошо, на наш взгляд, просматривается на примере поэтических произведений о женщине Северного Кавказа.

Самоотречение, самопожертвование во имя любви, во имя чести – черты, раскрывающие образ женщины в поэме Х. Хаметовой «Капля и камень», где полифония звуков, красок, голосов, персонификаций, реальные и ирреальные планы, смещения участвует в возведении символического и живого характера лирической героини, воплотившегося в монологе Женщины. Женщина в поэме – символ, сменяющийся реалистической драматизированной ситуацией, раскрывающей независимую, гордую, свободолюбивую натуру, отстаивающую свою честь и гибнущую за истину [3, с. 54–61]. В поэме повествуется о трагедии и любви двух молодых людей, разлученных социальными барьерами. Действие постоянно прерывает песня Женщины, комментирующая происшедшее. В этой полифонии участвует «голос Травы» («Проклятье Травы»), олицетворяющей начало всего живого, сущего, вечного. Женщина и Трава, объединяясь, выступают как гармоничные силы. Герои поэмы Саяд, Рагим, Ахмед продолжают страстный диалог о праве на любовь, появляются голоса: «Рагим», «Саяд», «Зов Саяд», «Песня Женщины», «Голос Женщины» и, наконец, персонификация зла Байгуш.

Третья глава, в которой автор через противоречия, через состязание добра и зла стремится к оптимистическому финалу, открывается раздумьем Женщины, переходящей в монолог нашей современницы. В третьей же главе звучит «Колыбельная Зубейды», которая противопоставляется голосу, зловещей пляске, сардоническому смеху героини – антипода Зубейды – Байгуш («Да, я Байгуш! Во имя лжи и мести я пляшу») [1, с. 5–55].

Образ Байгуш создаётся на фоне разваленного очага, символизирующего крушение идеалов. Образ Байгуш – символ зловещей птицы, воспринимающийся как предзнаменование несчастья, проклятья и разрушения, олицетворяющий в народном сознании тёмные, смрадные силы земли.

Широкая эпизация, симфонический принцип, где каждый голос – и лирических героев, и олицетворённых сил природы, постоянно вступающих в «оркестр», – создаёт панораму, которая включает большое число персонификаций и историй, основывающихся на различных принципах подачи материала в русле национальных легенд и преданий. Поэма повествует о женщине, для которой честь составляет основу её моральных принципов. Силе страстей и чувств, проявляемых героями, соответствуют поэтические средства и образы. Так, в образе жестокого владыки поэта подчёркивает его холодность и бесстрастность («Взгляд Хазара в лицо – в упор, как ледяное дыханье гор»). Ему противостоит прекрасная женщина – Перистан, представая в нескольких «измерениях»: в лирическом монологе повествователя, самовыражении через песню, в которой изливаются сокровенные думы девушки, её душа:

О любимый мой,
Где твой быстрый конь?
Буду ждать тебя
В полночь за рекой,
Журавли мои, журавли!

И, наконец, в драматической ситуации, когда иноземные завоеватели посягнули на честь героини, движимая чувством справедливости, юная, слабая женщина обретает невиданную силу духа: она бросает вызов мужчинам и требует вернуть ей доброе имя.

Монолог Перистан в кругу мужчин, куда она вошла, презрев горский этикет, построен на высоких гражданских мотивах, обнаруживающих незаурядный ум, способный оценить всю несостоятельность официальных установлений. Драматизмом, высоким пафосом действия наполнен монолог героини. Средства его воплощения передают в сложной гамме всю многокрасочность интонаций:

Гудит аул, собравшись на совет,
Ждёт слова стариков седобородых,
Вдруг замер потрясённый джамаат,
В горах ещё такого не бывало,
Чтоб женщина, переступив адат,
Перед мужчинами с лицом, открытым встала:
Жжёт сердце мне мой стыд, моя беда;
Но не для мести я пришла сюда.
И не волос потерянных мне жаль –
Позор папахе, оскорбившей шаль...

Всеобъемлющая любовь приобретает смысл и переходит в категорию вечных истин, где синтезируются эмоции, связанные с понятиями человечности и гуманизма. Так, фольклорная символика, мифологические образы своеобразно переосмысливаются в поэме Х. Хаметовой. Музыка стиха приобретает ритмичные, с определёнными ударениями чеканной рифмы резкие, волевые очертания, гневные ноты звучат проклятьем обществу, разлучающему сердца во вновь возникшей теме мятежной песни.

В заключение поэмы автор пытается философски раскрыть «полемику» между добром и злом: диалог ведётся между Травой, Женщиной, Огнём, Камнем и Байгуш. В этом противоборстве сил наиболее очевидно прослеживается взаимодействие мифопоэтической традиции и новаторства, проявляющегося в осмыслении вечных образов, через которые выражается этническая ментальность народа.

Рассматривая проблему этнонациональной ментальности на примере Карачая и Балкарии, З.Б. Кипкеева отмечает, что была «проделана огромная работа по изучению горского фольклора как наиболее достоверного источника сведений об особенностях горского менталитета. Но она будет неполной, если к ней не присовокупить несколько "золотых страниц", записанных в среде мухаджиров (переселенцев) в Турции. В 1949–1951 годах этим занимался известный за границей карачаевский историк, автор книг на турецком языке, в разное время живший в Германии, Турции, Америке, неутомимый собиратель народных песен, сказок, пословиц, здравниц Махмут Дудов. Его неопубликованный архив хранится у издателя литературно-публицистического журнала на турецком языке "Birlesik Kafkazyu" Йылмаза Неуруза (Салпагарова). В этом журнале впервые в Турции благодаря энтузиазму его издателя опубликовано немало оригинальных, неизвестных вариантов карачаево-балкарских народных песен. Самая старинная песня, повествующая о событиях 16 века, в период противоборства Московского царства и Крымского ханства, – "Нарик улу Чора"» [2, с. 168–169].

З.Б. Кипкеева утверждает, что это произведение по праву может занять первое место в ряду уникальных исторических песен, сохранившихся у карачаевцев и балкарцев. Здесь присутствуют отличительные черты этого своеобразного жанра. Например, названы исторические персоналии и события [2, с. 168–169]. В песне описаны подвиги и приключения Нарик улу Чары, образ которого олицетворял лучшие черты народа. «Вариант народной песни "Ачей улу Ачемез", в отличие от других известных фольклорных исторических текстов, содержит прямое указание на то, что в Карачае попытки насадить крымскими ханами обычай "права первой ночи", как в Кабарде, не имел успеха. Ачемез гордо отвечает ханским послан на требование предоставить жену, красавицу Боюнчак: "Женскую честь продающих у меня селений – кварталов нет. Боюнчак хану оставить у меня дня (здесь: возможности) нет» [2, с. 168–169].

З.Б. Кипкеева также приводит старинные лирико-эпические песни «Къаншаубий» и «Гошayah-бийче» как произведения, в которых наиболее выражены характерные черты этнической ментальности горцев: «Здесь и удивительная сдержанность, и гордость в проявлении чувств при глубоких и страстных переживаниях, и негибаемость духа, несмотря на жесточайшие жизненные испытания, и старательно скрываемая от постороннего взгляда искренняя нежность в отношениях между мужчиной и женщиной» [2, с. 168–169]. В карачаево-балкарских «набеговых» песнях «Загошток улу Чепеллеу», «Джандар», «Азнауур», «Гетман улу Ильяс», как отмечает З. Кипкеева, «традиции горской исторической песни всегда точно и полно указывают этническую принадлежность, имена, названия, передают прямую речь героев» [2, с. 168–169]. Таким образом, произведения фольклора «раскрывают своеобразие горской ментальности, проявляющейся в обычаях гостеприимства, товарищества, уважении старших, зависимости человека от законов рода, а также в жестоких карах за отступления от них» [2, с. 168–169].

Приведённые примеры характерны для всех северокавказских литератур, в произведениях которых проявляется историко-духовная ментальная общность, несмотря на этноязыковую пестроту и неравномерность культурного развития.

Таким образом, на сегодняшний день представляется объективной необходимостью исследование историко-культурных и литературных истоков, поэзии Северного Кавказа, ибо без прошлого, изучения его источников, памятников литературы нет будущего.

Список литературы

1. Хаметова Х. Гордая волна / Х. Хаметова. – М., 1989. – С. 5-55.
2. Кипкеева З. Б. Горский менталитет (на материале фольклорного наследия карачаево-балкарской диаспоры Турции) / З. Б. Кипкеева // Этнона-

циональная ментальность в художественной литературе : мат-лы Всерос. науч. конф. – Ставрополь, 1999. – С. 168–169.

3. Темирханова Г. Нелегкие поиски / Г. Темирханова // Литература Дагестана и жизнь : сб. ст. / сост. К. Абуков. – Махачкала, 1992. – С. 54–61.

References

1. Hametova H. Gordaya volna. M., 1989, pp. 5-55.

2. Kipkeeva Z. B. Gorskiy mentalitet (na materiale folklornogo naslediya kachachaevo-balkarskoy diaspori Turtsii) // Etnonatsionalnaya mentalnost v hudozhestvennoy literature. Stavropol, 1999, pp. 168–169.

3. Temirhanova G. Nelegkie poiski // Literatura Dagestana i zhizn. Mahachkala, 1992, pp. 54-61.

МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Максимова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: nmaksimova11@yandex.ru.

В статье рассматриваются межтекстовые связи в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» с произведениями И. Бабеля, В. Тендрякова, А. Чудакова, Л. Улицкой, сообщающие дебютному тексту дополнительные объёмы смысла и художественной выразительности.

Ключевые слова: роман, межтекстовые связи, традиция, реализм, полемика

INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN THE NOVEL OF G. YAKHINA «ZULEYKHA OTKRYVAET GLAZA»

Maksimova Natalia V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: nmaksimova11@yandex.ru.

This article discusses intertextual connections of the novel G.Yakhina «Zuleykha otkryvaet glaza» with the works of I. Babel, V. Tendryakov, A. Chudakov, L. Ulitskaya, reporting for the latest text the additional volumes of meaning and artistic expression.

Keywords: novel, intertextual connections, tradition, realism, polemic

Дебютный роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», в прошлом году получивший три крупных премии («Большую книгу», «Ясную поляну», «Книгу года»), оказался в центре литературной жизни 2015 года и, соответственно, в поле зрения критиков и литературоведов. Премияльные процессы вкупе с мероприятиями Года литературы – 2015 инициировали активное обсуждение романа, в ходе которого были затронуты как «проблемы поэтики» нового произведения, так и новейшей отечественной литературы в целом.

Редкое совпадение выбора жюри премий разного формата симптоматично и позволяет критикам говорить о востребованности «социальной модели словесности» (Валерия Пустовая), «моральных шедевров» (Вл. Новиков) как тенденции современного литературного процесса. В рамках дискуссии журнала «Знамя» «Современный роман в поисках жанра» Н. Иванова, размышляя о трансформации романного жанра, выразила сходную мысль и отметила характерные черты романа Яхиной: «При всем вышесказанном – о распаде и